

Железняков Александр Сергеевич

доктор политических наук, руководитель
Центра политологии и политической социологии
Института социологии Российской академии наук

Zheleznyakov Aleksandr Sergeevich

D.Phil. in Political Science, Chief of the Center of
Political Science and Political Sociology,
Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences

Литвинова Татьяна Николаевна

кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела сравнительных
исследований социально-политических систем
Института социологии Российской академии наук

Litvinova Tatyana Nikolaevna

PhD in Political Science, Senior Research Associate,
Department of Comparative Researches of
Sociopolitical Systems,
Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences

Цэцэнбилэг Цэвээний

кандидат социологических наук,
заведующая отделом социологии
и социальной психологии
Института философии Академии наук Монголии

Tsetsenbileg Tseveeniy

PhD in Social Science, Head of Social Science
and Social Psychology Department,
Institute of Philosophy of
Mongolian Academy of Sciences

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ
В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ
ОБЩЕСТВАХ
(НА ПРИМЕРЕ МОНГОЛИИ
И РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ РФ) [1]**

**POLITICAL PARTICIPATION OF YOUTH
IN TRANSFORMING SOCIETIES
(CASE STUDY OF MONGOLIA
AND THE REPUBLIC OF BURYATIA OF
THE RUSSIAN FEDERATION) [1]**

Аннотация:

В статье рассматриваются проблемы политического участия молодежи в трансформирующихся обществах на примере Монголии и Республики Бурятия Российской Федерации. Авторы рассматривают теоретические подходы к определению категории «молодежь», имеющей различную трактовку в разных странах, а также некоторые аспекты политической активности молодежи в России и Монголии. Приводятся данные социологических опросов молодежи и студентов Республики Бурятия по проблемам вовлеченности в политическую жизнь, а также оценки приверженности молодежи Монголии принципам демократического управления и рыночной экономики.

Ключевые слова:

молодежь, политическое участие, численность молодежи, выборы, демократия, Республика Бурятия, Россия, Монголия.

Summary:

The article deals with the political participation of youth in the transforming societies by case study of Mongolia and the Republic of Buryatia of the Russian Federation. The authors discuss theoretical approaches defining the category of "youth" interpreted differently in different countries, as well as some aspects of political activity of youth in Russia and Mongolia. The article is based on the data of sociological surveys with participation of young people and students of the Republic of Buryatia studying their involvement in political life, as well as estimates allegiance of Mongolian youth with the principles of democracy and market economy.

Keywords:

youth, political participation, number of young people, elections, democracy, Republic of Buryatia, Russia, Mongolia.

Молодежь выступает одной из самых влиятельных демографических групп населения и ценнейшим человеческим ресурсом для экономического развития любой страны. Молодежь в состоянии мотивировать и возглавить другие демографические группы во всех сферах жизнедеятельности общества и главное – в развитии интеллектуальных способностей. Молодые граждане – строители и обладатели национального будущего, а кроме того, у них есть выдающаяся способность адаптироваться к новой окружающей среде и получать знания, используя новые технологии.

Являясь весомой частью социального и интеллектуального богатства демократического общества, молодежь призвана выступать не только объектом, но и субъектом социально-политических изменений.

Социальные, политические, экономические и культурные процессы в России и Монголии в начале XXI в. оказали существенное влияние на демографическую структуру населения обеих стран, причем разнопланово: в России количество молодого населения сократилось, в Монголии – возросло. Вместе с тем молодежь остается одной из самых активных социальных групп, и ее участие в политических процессах, активность молодежных организаций, участие в выборах представляются важными и актуальными вопросами. Российская Федерация и Монголия могут

дать в этом отношении уникальный сравнительный материал по проблемам политической активности молодежи в трансформирующихся обществах на современном этапе.

Сегодня молодежь Российской Федерации составляет около 28,6 % [2] от общей численности населения страны, причем регионы России сильно дифференцированы по демографическому составу и доле молодого населения. Между тем высокая доля молодых граждан в возрасте от 18 до 35 лет в численности населения Монголии 38,5 % [3] делает ее страной молодежи.

В последние годы молодежь обеих стран более активно вовлекается в социально-политические процессы: молодые заставляют слышать свои голоса, настаивают на прозрачности и повышении эффективности деятельности органов государственной власти. Этот факт делает крайне актуальным исследование вовлеченности молодежи в избирательные процессы и общественные организации.

Цель настоящей статьи – провести сравнительный анализ степени политической активности и участия молодежи Республики Бурятия в составе РФ и соседствующей с ней Монголии.

Существует ряд определений термина «молодежь» или «пределный возраст молодежи», который широко используется в социологических исследованиях. По определению ООН и Всемирного банка для статистической цели молодежь – это лица в возрасте от 15 до 24 лет. Генеральная Ассамблея ООН впервые упоминает такое определение молодежи в 1981 г., определяя лиц в возрасте от 10 до 19 лет как «подростков». Во многих странах, в частности в США, социологи, как правило, определяют молодежь как лиц в возрасте от 12 до 24 лет, однако они дополнительно классифицируют их как «подростков» (12–18 лет) и «молодых взрослых» (18–24 лет). Начиная с 1970–1980-х гг. процесс социализации набрал скорость, в результате этого увеличился возрастной диапазон молодежи. По состоянию на сегодняшний день самый низкий диапазон юношеского возраста определяется в пределах от 14 до 16 лет, а самый высокий – от 25 до 30 лет. Согласно Основам государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р, к категории «молодежь» в России относятся лица «в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет» [4]. В последнее время в большинстве субъектов РФ наблюдается тенденция смещения возрастного ценза для молодежи до 35 лет.

В Монголии социологи и антропологи, как правило, определяют молодежь как лиц в возрасте от 15 до 35 лет. Возрастной диапазон молодежи в первую очередь будет зависеть от того, насколько они готовы быть творческими и активными членами государства. Юридические обязанности и ответственность молодежи четко определены в Конституции и других связанных с ней правовых актах. В соответствии с законодательством Монголии, люди в возрасте от 16 до 18 лет, как правило, начинают пользоваться своими правами, а также выполнять определенные функции и обязанности.

Итак, верхняя граница диапазона юношеского возраста может различаться в различных странах в зависимости от конкретного уровня социально-экономического развития. Поэтому чаще всего молодежь определяется как группа, находящаяся в стадии перехода от зависимости ребенка к независимости взрослого и нахождения своего первого рабочего места.

Современный этап исследования общественно-политической активности молодежи в отечественной социологической и политической науках характеризуется наличием множества подходов, широтой взглядов, анализом общих и частных проблем гражданской активности молодежи как специфической демографической группы. Особо следует выделить монографию О.М. Карпенко и И.А. Ламанова «Молодежь в современном политическом процессе в России» [5], в которой исследуется влияние политических партий на молодежный ресурс, раскрывается феномен лидерства в молодежном движении, освещаются прикладные аспекты. Политическое участие молодежи является объектом многих серьезных исследований в России и за рубежом, а также предметом сравнительного международного изучения. Так, в 2014 г. была опубликована коллективная монография «Россия и Китай: молодежь XXI в.» [6], подготовленная совместно учеными Института социологии РАН и Института социологии Китайской академии общественных наук, которая раскрывает проблемы положения молодежи в общественно-политических процессах двух стран.

Проблема политического участия и вовлеченности молодежи в политические процессы внутри страны является одной из самых сложных и актуальных в переходных обществах. В условиях трансформации политической системы и перехода общества к демократическим принципам управления особо остро встает вопрос о вовлечении в эти процессы молодого населения.

Политическое участие – это действия, предпринимаемые членами социально-политической общности на индивидуальной или групповой основе с целью оказать влияние на процесс формулировки или принятия политических решений, осуществления государственной политики или выбора политических деятелей на любом уровне власти – местном, региональном, общенациональном [7, с. 239–241].

Политическое участие всегда рассматривалось западными исследователями как один из качественных критериев изучения исторически существовавших и современных политических си-

стем, характеризующий не только механизм взаимодействия политических институтов, различных социально-экономических акторов, но и национально-культурные традиции, политическую культуру страны. Молодые люди, как и большинство граждан, могут участвовать в политике с различной интенсивностью, и степень их вовлеченности в какой-либо вид политической деятельности также различна.

Политическое участие подразделяется классиками западной политологии на две большие группы: активное и пассивное политическое участие [8].

Л. Милбрайт выделил три группы форм активности, каждая из которых включает в себя несколько форм, расположенных в порядке возрастания [9]:

– «созерцательная активность» – исполнение роли объекта воздействия политических стимулов, голосование и др.;

– «переходная активность» – общение с представителями власти и лидерами политических партий, посещение собраний и митингов;

– «гладиаторская активность» – участие в политической кампании, исполнение роли активиста политической партии или кандидата на руководящий пост в органах власти или партии.

В настоящее время в российском обществе происходит омоложение состава участников общественных и политических процессов, поэтому характер и уровень политической активности молодежи отражается на состоянии всей политической системы. Между тем проведенные в России за последние годы исследования политической активности молодежи показывают, что пока она не высока. В работах, опубликованных в начале 2000-х гг., говорилось, что молодежь в 1990-х гг. была представлена сама себе, мало интересовалась политикой и была слабо включена в общественную и политическую жизнь страны. Совершенно иная ситуация сегодня. В стране появилось множество молодежных организаций, а большинство партий имеют молодежные отделения, в результате чего у некоторых наблюдателей возникло ощущение заметной политизации российской молодежи.

Институт социологии РАН проводит многолетнее исследование современной российской молодежи, по итогам которого в 2010 г. была выпущена монография авторов М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги «Молодежь России: социологический портрет» [10]. Наряду с вопросами социальной и экономической активности молодежи России в ней также были исследованы вопросы политического участия. Согласно данным проведенного исследования, доля молодых людей, непосредственно участвующих в политической деятельности, варьируется в пределах 1–2 %. Доля молодежи, активно интересующейся политикой, остается на уровне 14 %. Электоральная активность выше среди той части молодежи (79,3 %), которая регулярно следит за политическими событиями. Среди тех, кто политикой не интересуется, соответствующий показатель намного ниже – 49,5 %. Лишь 12,1 % молодежи, участвовавшей в выборах, высказали мнение, что ныне российская избирательная система позволяет достаточно точно выразить волю народа. По мнению 51,5 % – позволяет частично, 26,5 % – не позволяет выразить, 9,9 % затруднились ответить [11, с. 135].

Таким образом, политическая активность молодежи России по Л. Милбрайту ближе к «созерцательной активности». Такой род активности не приведет к революционным изменениям, однако и не вселяет надежду на динамичные изменения и на то, что именно молодежь их возглавит.

Республика Бурятия – один из регионов Сибирского федерального округа России, где в последние годы доля молодого населения была довольно низкой. По оценкам Росстата удельный вес молодежи (лиц от 14 до 30 лет) в населении Бурятии составляет 27,5 % (табл. 1), что ставит республику по этому показателю на 4-е место среди субъектов СФО Российской Федерации. Между тем при сохранении существующих тенденций естественного прироста и миграционных процессов, по оценкам Федерального агентства государственной статистики, к 2025 г. доля молодежи в населении Республики Бурятия снизится до 21,7 % [12, с. 178].

Таблица 1 – Численность молодежи в субъектах СФО Российской Федерации, 2012 г.
[13, с. 179]

Субъект РФ	Численность молодежи, 14–30 лет	Численность населения, чел.	Удельный вес молодежи в населении, %
Республика Алтай	58 580	215 745	27,15
Республика Бурятия	264 390	960 169	27,54
Республика Тыва	99 557	324 146	30,71
Республика Хакасия	138 914	542 439	25,61
Алтайский край	596 204	2 471 799	24,12
Забайкальский край	313 656	1 108 830	28,29
Красноярский край	748 298	2 889 801	25,89
Иркутская область	656 639	2 494 845	26,32
Кемеровская область	701 359	2 819 701	24,87
Новосибирская область	650 205	2 634 126	24,68
Омская область	516 265	2 003 715	25,77
Томская область	294 033	1 047 107	28,08

По данным Всероссийской переписи 2010 г., доля молодежи в возрасте от 15 до 34 лет (то есть в расширенном возрастном диапазоне) в Республике Бурятия составляла 33,5 % от численности населения республики.

Таблица 2 – Молодежь Республики Бурятия, 2010 г. [14]

Возрастные группы	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины и женщины, в % к общей численности населения РБ
15–19	64 379	34 104	30 275	6,6
20–24	96 599	50 905	45 694	9,9
25–29	88 593	44 118	44 475	9,1
30–34	76 774	37 506	39 268	7,9

В целях анализа электоральной активности и политических предпочтений современной молодежи Бурятии социологической службой «Эйдос» был проведен опрос общественного мнения. Объектом опроса выступал молодежный электорат в возрасте от 18 до 30 лет. Опрос проводился с 17 по 30 октября 2011 г. Общее количество опрошенных составило 650 человек [15, с. 208]. Опрос показал, что около 30 % респондентов постоянно реализуют свое избирательное право. Среди них доля молодых женщин выше, чем доля молодых мужчин. Распределение по виду занятости показывает, что электоральная активность среди работающих намного выше, чем среди безработных: ответ «постоянно участвую в выборах» дали 65 % работающих и лишь 44 % безработных [16, с. 209]. То есть показатели электорального участия среди молодежи Республики Бурятия довольно низкие.

В целях выявления уровня доверия электората политическим партиям исследователи включили в анкету вопрос: «Какие из нижеперечисленных партий в большей степени отражают интересы таких людей, как Вы?». Распределение ответов на данный вопрос показало, что, по мнению молодежи, ее интересы в первую очередь отражает политическая партия «Единая Россия» (63 %), во вторую – «Справедливая Россия» (24 %), затем – ЛДПР и КПРФ (по 14 %). Таким образом, политические предпочтения молодежи республики в целом совпадают с мнением российского электората, что и демонстрируют последние избирательные кампании.

Данные опроса показали заметные гендерные различия среди приверженцев «Единой России», ЛДПР и протестного электората. Среди протестного электората и сторонников ЛДПР выше доля мужчин, а среди сторонников «Единой России» преобладают женщины. При рассмотрении ответов в зависимости от вида занятости можно отметить более высокий процент сторонников ЛДПР среди безработных и протестного электората. В антирейтинге партий заметное лидерство у ЛДПР (38 %) и «Яблока» (31 %). Наименьший процент отрицательных оценок у партии «Справедливая Россия» [17, с. 210].

В 2011 г. учеными из Томского государственного университета также был проведен анализ электорального поведения студенческой молодежи Республики Бурятия. В выборочную совокупность вошли 400 студентов четырех государственных вузов Улан-Удэ. В частности, ученые выясняли отношение учащейся молодежи к институту выборов. Согласно данным проведенного ими опроса, студенты Улан-Удэ в большинстве своем склонны видеть в выборах механизм решения своих проблем (53 %), сомневающимся в этом гораздо меньше (37 %). По мнению бурятских студентов, выборы – это способ выражения и защиты интересов людей (42 %), почетное право гражданина (13 %) [18, с. 153].

Большая часть студенческой молодежи согласна с утверждением, что выборы как институт демократии необходимы, так считают 77 % улан-удэнских студентов [19, с. 154].

Также томские ученые попытались выяснить мотивы участия бурятских студентов в выборах. Главным мотивом участия в выборах студенты Улан-Удэ признали желание участвовать в решении общественных проблем (45 %); выборы как свой гражданский долг воспринимают 37 % студентов; 8 % считают, что этого требует законодательство; 4 % затруднились ответить; 3 % придерживаются конформистских идей, то есть пойдут на выборы как большинство из их окружения; 2 % студентов признают, что их могут заставить пойти на выборы; только 1 % будет делать это по привычке [20, с. 155].

Только 15 % опрошенных студентов признались, что они сознательно бойкотировали выборы. Главной причиной неучастия они назвали неверие в объективность выборов (именно так оправдали свой абсентеизм 26 % не участвовавших в выборах бурятских студентов) [21, с. 156]. Данные опроса показывают, что, хотя более 50 % учащейся молодежи Улан-Удэ считают участие в выборах важным механизмом решения существующих проблем, все же значительна доля сомневающимся в институте выборов – 37 % и игнорирующих их – 15 %.

Молодые люди, сохраняя в своем большинстве установку на участие в выборах в качестве избирателей, редко принимают ситуацию выдвижения собственной кандидатуры на выборные должности. Только 29 % молодых уланудэнцев высказались за возможное участие в качестве кандидата. Таким образом, среди учащейся молодежи Республики Бурятия, так же как в России в целом, преобладает «созерцательная» политическая активность, которая сосредоточивается только на участии в выборах в качестве избирателей.

Социальные и политические устремления очень важны для молодежи, они способствуют их развитию в самостоятельных граждан, выступают одним из основных внутренних факторов социального развития. Это стремление – реальный процесс, у которого есть его собственная закономерность развития и стадии, обычно оно зависит от фактической социальной среды, в которой растет человек, а также субъективных факторов и социального поведения.

Нежелание реализовывать свое пассивное избирательное право можно объяснить низким уровнем доверия к политическим деятелям, а также боязнью ввязываться в политические скандалы. Еще одной причиной отсутствия стремления у студентов выдвинуть свою кандидатуру на выборы можно назвать большое количество трудностей, с которыми сопряжена избирательная кампания.

Более позитивно выглядит ситуация с желанием студентов работать в период выборов в избирательных комиссиях и в качестве наблюдателей на выборах. К такой работе готовы более 40 % студентов Улан-Удэ [22, с. 157].

Позитивным фактором является стремление молодежи повысить свой уровень знаний избирательного законодательства (61 % студенческой молодежи в Улан-Удэ) [23, с. 160]. Но одновременно это является и свидетельством неудовлетворенности собственным уровнем просвещения и информированности в сфере избирательного права. Большая часть опрошенных респондентов хотела бы получать дополнительные знания в области избирательного законодательства.

Политическую культуру, становление социальных и политических устремлений молодежи необходимо рассматривать в контексте негативных и позитивных изменений в политической жизни общества, достижений и ошибок. Помимо этого фактора необходимо учесть социальное поведение, приверженность какой-либо политической идеологии, а также особенности субъективного поведения. Если рассматривать социально-политическую деятельность молодежи Бурятии с качественной стороны, а не со стороны числовых индикаторов, очевидно, что ее активности многие десятилетия препятствовали общественные отношения, где политика была делом более старшего поколения.

В отличие от молодежи Республики Бурятия и России в целом, молодежь Монголии является более весомой частью населения страны, составляя около 40 % от общего числа населения (табл. 3).

Таблица 3 – Численность молодежи Монголии, 2012 г., тыс. чел. [24]

Территория	Возрастная группа				Всего
	15–19	20–24	25–29	30–34	
Западная зона	39,8	34,8	29,9	27,9	132,3
Хангай	55,1	61,3	49,8	43,5	209,7
Центральная зона	41,4	50,1	43,1	37,7	172,3
Восточная зона	18,3	21,3	18,7	17,0	75,3
Улан-Батор	93,3	126,6	130,3	113,5	463,7
Всего	247,9	294,2	271,8	239,5	1053,4

Однако и в Монголии за последние годы молодежь характеризовалась низкой политической активностью. Социально-политическое бездействие молодежи Монголии было главным образом связано с отсутствием знаний о политике и практически традиционным отсутствием интереса к политическим событиям. Согласно данным исследования, проведенного еще в 1988 г. среди 2 585 представителей учащейся молодежи Монголии, значительная часть респондентов (45,8 %) ответили, что они предпочитают получать знания, связанные с их работой, 17,7 % ответили, что их интересует получение квалификации. Только 33,7 % опрошенных признали знания о событиях в стране более важными [25].

Из этого исследования видно, что значительная часть респондентов не считала осведомленность о социально-политической жизни страны необходимой. Знания о политической жизни у рабочей молодежи также были слабыми. Так, 58,4 % животноводов, принявших участие в социологическом опросе (количество участников – 2 316 человек), не могли дать достоверного ответа о текущем состоянии дел в стране. Хотя Монголия всегда уделяла внимание повышению квалификации молодежи, такая неосведомленность была связана с тем, что общественные науки до начала 1990-х гг. были излишне идеологизированы и основывались на набивших оскомину догмах марксистско-ленинского учения.

Согласно Конституции Монголии (16.10), гражданин имеет «право сформировать партию или другие общественные организации и объединяться добровольно в ассоциации в соответствии с интересами общества и личными интересами и мнением».

По результатам опроса, проведенного в 2000 г. в Монголии по проблемам гражданского общества, почти половина населения (45,3 %) являлась членом по крайней мере одной гражданской организации. Высоким был уровень членства в политических партиях – 41,5 %, в то время как доля членов профсоюзов составила 14,1 %, женской неправительственной организации – 4,4 % [26, р. 25].

В 2010 г. в Монголии проводилось исследование с целью определения степени участия молодежи в политической жизни страны (табл. 4). Почти каждый второй респондент (44,3 %) ответил, что у него есть потребность в объединении с другими для самовыражения, и только каждый третий из опрошенных заявил о ее отсутствии. С определенными оговорками объединение

в целях выражения своего мнения можно счесть участием или вовлечением в деятельность политической организации.

Таблица 4 – Уровень социального и политического участия молодежи Монголии, 2010 г., % [27]

	Политические партии	Общественные организации	Благотворительные организации	Религиозные организации	Молодежные организации
Пол					
Мужчины	47,2	55	63,6	16,7	44,4
Женщины	52,8	45	36,4	83,3	55,3
Образование					
Высшее	52,0	52,6	45,5	16,7	70,4
Среднее специальное	8,4	10,5	18,2	16,1	3,7
Оконченное среднее	27,9	21,1	18,2	50	11,1
Неоконченное среднее	9,1	15,8	18,2	16,7	11,7
Начальная школа и не имеющие образования	2,6	0	0	0	3,7
Местоположение					
Городское население	57,3	63,6	36,9	33,4	40,7
Сельское население	42,7	63,2	36,4	66,7	59,3

По данным таблицы можно заметить, что молодые женщины, люди с высшим образованием и городская молодежь более вовлечены в политическую жизнь, в то время как процент людей с высшим образованием, молодых мужчин, сельской молодежи, вовлеченных в деятельность общественно-политических организаций, ниже. В то же время, по данным исследования, мужчины, сельская молодежь и молодые люди, имеющие высшее образование, больше вовлечены в благотворительную деятельность, а сельская молодежь, молодые женщины и молодежь с полным средним образованием главным образом участвовали в деятельности религиозных организаций.

В исследовании также была поставлена задача выявить приверженность молодежи Монголии демократическим ценностям и принципам рыночной экономики. В этих целях участникам опроса предлагался ряд утверждений, которые они ранжировали по степени согласия или несогласия с ними. Результаты исследования представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Степень согласия с основными принципами политических и экономических трансформаций, 2010 г., % [28, р. 26]

Утверждения	Полностью согласен	Отчасти согласен	Не согласен
Демократия – это будущее Монголии	34,9	50,4	6,1
Рыночные отношения приведут к тому, что люди будут работать усерднее	27	60,7	5,3
Мой голос не повлияет на результат выборов	22,7	29,7	36,8
В обществе функционирует множество политических партий	24,1	44,0	15,4

По первому пункту видно, что более 85 % респондентов склонны к позитивным оценкам и прогнозам относительно демократического будущего Монголии, однако почти 37 % не считают, что их голос что-то значит на выборах. Большинство участников опроса объяснило причину, по которой они не хотели бы голосовать, сложностью самого выбора, а также низкой осведомленностью о происходящих политических событиях.

Один из самых важных критериев оценки политического участия – это доверие к власти. Доверие граждан к правительственным учреждениям выступает одним из элементов устойчивого демократического общества.

Согласно данным опроса, проведенного в Монголии, степень доверия респондентов к государственным структурам низкая. Результаты проведенного исследования показали, что люди начинают терять веру в законодательную и судебную власть, в политические партии, а также правительство, исполнительную власть и учреждения, которые призваны служить на благо гражданского общества [29, р. 27].

В заключение следует отметить, что некоторые аспекты политической активности молодежи Республики Бурятия и Монголии могут быть сопоставимы и не вполне соответствуют сложившимся стереотипам. В частности, не подтверждается тезис об абсолютной электоральной пассивности

молодых людей, об их преимущественно негативном отношении к выборам. Тем не менее доля молодых людей, недоверчиво относящихся к институту выборов, значительна: 33 % в Республике Бурятия и 23 % в Монголии. Таким образом, не снята с повестки дня проблема повышения электоральной активности и политической культуры молодежи как в России, так и в Монголии.

Молодежь в Республике Бурятия, как и в стране в целом, тяготеет к конформистскому типу голосования и «созерцательной» политической активности. Все же выборы как институт демократии воспринимаются молодежью Бурятии позитивно, поддерживается их необходимость, оказывается безоговорочное доверие партии власти. Такое доверие легко объяснить тем, что Бурятия – дотационный регион, зависящий от финансовых вливаний из федерального центра. Так, уровень трансфертов (безвозмездной помощи) в доходах консолидированного бюджета республики в 2013 г. составил более 46 % [30]. Поэтому высокий процент участия в выборах – гарантия денежных субсидий. Многие студенты это понимают и голосуют рационально. Идеи протестного голосования проявляются в меньшей степени.

Молодежь Бурятии и Монголии выражает желание улучшить свои знания об избирательном законодательстве и повысить свою осведомленность о политической жизни страны. К позитивным моментам в оценке политической активности молодежи Республики Бурятия и Монголии следует отнести убежденность молодых людей в этих странах в необходимости института выборов и приверженность молодых людей демократическому вектору развития России и Монголии.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена по гранту РГНФ – Министерство образования и науки Монголии (МОНМ) № 15–23–03003 а (м) «Политическое участие и активность молодежи России и Монголии (сравнительный анализ)» и РГНФ и МинОКН Монголии проект 14–23–03001 а (м) «Цивилизационные аспекты модернизации России и Монголии (опыт сравнительного анализа)».
2. В возрастном диапазоне от 15 до 34 лет по данным: Распределение численности населения Российской Федерации по полу и возрастным группам на 1 января 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/nasvoz.xlsx (дата обращения: 10.10.2015).
3. 2015 год объявлен годом поддержки развития молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.mn/news/open/categories/30/pages/19277> (дата обращения: 10.10.2015).
4. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный документ] : распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. Доступ из справ.-поисковой системы «КонсультантПлюс».
5. Карпенко О.М., Ламанов И.А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М., 2006.
6. Россия и Китай: молодежь XXI века : монография / отв. ред. М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М., 2014. 424 с.
7. Грачев М.Н. Политическое участие: Зарубежная политология : слов.-справ. / под ред. А.В. Миронова, Г.А. Цыганкова. М., 1998.
8. Verba S., Nie N.H. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. New York, 1972 ; Milbrath L.W. Political Participation. Chicago, 1965.
9. Milbrath L.W. Op. cit.
10. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и испр. М., 2010.
11. Там же. С. 135.
12. Росстат, демографический прогноз численности населения РФ до 2031 г. (средний вариант), скорректированный по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. // Молодежь России 2000–2025: развитие человеческого капитала : докл. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (на правах рукописи). М., 2013. С. 178.
13. Там же. С. 179.
14. Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.10.2015).
15. Будаева Ц.Б., Будаева Д.Ц. Электоральная активность и политические предпочтения молодежи Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 6.
16. Там же. С. 209.
17. Там же. С. 210.
18. Воробьев А.П. Сравнительный анализ электорального поведения студенческой молодежи Томской области и Республики Бурятия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19).
19. Там же. С. 154.
20. Там же. С. 155.
21. Там же. С. 156.
22. Там же. С. 157.
23. Там же. С. 160.
24. Mongolian Youth: Perception of Democracy and Political Participation. Progress Report. Ulaanbaatar, 2014.
25. Sociological survey on youth behavior and activeness in 1987, 1988 from Institute of Philosophy and Sociology in ASC. Ulaanbaatar, 1989.
26. Mongolian Youth ...
27. Ibid.
28. Ibid. P. 26.
29. Ibid. P. 27.
30. Зубаревич Н.В. Мониторинг кризисного и посткризисного развития регионов России [Электронный ресурс] // Социальный атлас российских регионов. URL: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml#no28 (дата обращения: 10.10.2015).

References and notes:

1. The work is executed under grant RHF - Ministry of Education and Science of Mongolia (MONM) № 15-23-03003 and (m) "Political participation and active youth of Russia and Mongolia (comparative analysis)" and the RHF and MinOKN Mongolia project 14-23- 03001 and (m) «Civilization aspects of the modernization of Russia and Mongolia (comparative analysis of the experience)."
2. *At the age range from 15 to 34 years according to: Distribution of Russian population by sex and age group on 1 January 2014* 2015, retrieved 10 October 2015, <www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/nasvoz.xlsx>.
3. *Declared the year 2015 to support youth development* 2015, retrieved 10 October 2015, <<http://www.parliament.mn/news/open/categories/30/pages/19277>>.
4. Approval of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 [Electronic document]: Resolution of the Government of the Russian Federation of 29.11.2014 № 2403-p. Access from sprav. retrieval system "Consultant".
5. Karpenko, OM & Lamanov, IA, 2006, *Young people in contemporary political process in Russia*, Moscow.
6. Gorshkov, MK, Chunlin, Li, Golenkova, ZT & Kozyrev, PM (eds.) 2014, *Russia and China: the youth of the XXI century*: monograph, Moscow, p. 424.
7. Grachev, MN, Mironov, AV & Tsygankov, GA (eds.) 1998, *Political participation: International Political Science*, Moscow.
8. Verba, S & Nie, NH 1972, *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*, New York; Milbrath, LW 1965, *Political Participation*, Chicago.
9. Milbrath, LW 1965, *Political Participation*, Chicago
10. Gorshkov, MK & Sheregi, FE 2010, *Youth of Russia: sociological portrait.*, 2nd ed., Moscow.
11. Gorshkov, MK & Sheregi, FE 2010, *Youth of Russia: sociological portrait.*, 2nd ed., Moscow, p. 135.
12. 'Rosstat population forecast population of Russia until 2031 (medium variant) Adjusted Rowan on the results of the National Population Census 2010' 2013, *Youth of Russia 2000-2025: the development of human capital of the reports. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANHiGS) (a manuscript)*, Moscow, p. 178.
13. 'Rosstat population forecast population of Russia until 2031 (medium variant) Adjusted Rowan on the results of the National Population Census 2010' 2013, *Youth of Russia 2000-2025: the development of human capital of the reports. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANHiGS) (a manuscript)*, Moscow, p. 179.
14. *National Population Census 2010 T. 2. Age and sex structure and marital status* 2010, retrieved 10 October 2015, <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm>.
15. Budaeva, TB & Budaeva, DT 2012, 'Electoral activity and political preferences of the youth of the Republic of Buryatia', *Bulletin of the Buryat State University*, no. 6.
16. Budaeva, TB & Budaeva, DT 2012, 'Electoral activity and political preferences of the youth of the Republic of Buryatia', *Bulletin of the Buryat State University*, no. 6, p. 209.
17. Budaeva, TB & Budaeva, DT 2012, 'Electoral activity and political preferences of the youth of the Republic of Buryatia', *Bulletin of the Buryat State University*, no. 6, p. 210.
18. Vorobyov, AP 2012, 'A comparative analysis of electoral behavior of students of the Tomsk Region and the Republic of Buryatia', *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politics*, no. 3 (19).
19. Vorobyov, AP 2012, 'A comparative analysis of electoral behavior of students of the Tomsk Region and the Republic of Buryatia', *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politics*, no. 3 (19), p. 154.
20. Vorobyov, AP 2012, 'A comparative analysis of electoral behavior of students of the Tomsk Region and the Republic of Buryatia', *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politics*, no. 3 (19), p. 155.
21. Vorobyov, AP 2012, 'A comparative analysis of electoral behavior of students of the Tomsk Region and the Republic of Buryatia', *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politics*, no. 3 (19), p. 156.
22. Vorobyov, AP 2012, 'A comparative analysis of electoral behavior of students of the Tomsk Region and the Republic of Buryatia', *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politics*, no. 3 (19), p. 157.
23. Vorobyov, AP 2012, 'A comparative analysis of electoral behavior of students of the Tomsk Region and the Republic of Buryatia', *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politics*, no. 3 (19), p. 160.
24. *Mongolian Youth: Perception of Democracy and Political Participation. Progress Report* 2014, Ulaanbaatar.
25. *Sociological survey on youth behavior and effectiveness in 1987, 1988 from Institute of Philosophy and Sociology in ASC* 1989, Ulaanbaatar.
26. *Mongolian Youth: Perception of Democracy and Political Participation. Progress Report* 2014, Ulaanbaatar.
27. *Mongolian Youth: Perception of Democracy and Political Participation. Progress Report* 2014, Ulaanbaatar.
28. *Mongolian Youth: Perception of Democracy and Political Participation. Progress Report* 2014, Ulaanbaatar, p. 26.
29. *Mongolian Youth: Perception of Democracy and Political Participation. Progress Report* 2014, Ulaanbaatar, p. 27.
30. Zubarevich, NV 2015, 'Monitoring of the crisis and post-crisis development of regions of Russia', *Social Atlas of Russian Regions*, retrieved 10 October 2015, <http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml#no28>.